

Цифровые экспериментаторы

Издание: Эксперт Онлайн, 15.06.2020

Авторы: Алексей Грамматчиков, Петр Скоробогатый

Спикер: Александр Барышников, директор департамента консалтинга и аудита

«Московские власти начинают опасный эксперимент по ликвидации в столице свободы воли», — думают гуманитарии. «Технология не виновата, но политики должны создать нормальные правовые рамки ее использования», — отвечают технократы

Первого июля в Москве начинается эксперимент по развитию технологий искусственного интеллекта, о содержании, целях и задачах которого подавляющее большинство граждан и экспертов не имеет ни малейшего представления. Соответствующий федеральный закон был принят Госдумой под шумок коронавируса 24 апреля без публичных обсуждений. С тех пор мэрия Москвы ни разу не выступила с разъяснениями в отношении этого законопроекта, хотя именно она является ведущим оператором эксперимента. Вот уже три недели вопросы «Эксперта» на эту тему лежат в департаменте информационных технологий (ДИТ) Москвы, приняты к рассмотрению, но остаются без ответа. Равно как и вопросы других изданий, вынужденных ссылаться на неназванные источники. Почему цифровой эксперимент окутан такой тайной?

Федеральный закон № 123 дает возможность использовать персональные данные жителей Москвы и данные с городской инфраструктуры в технологиях искусственного интеллекта (ИИ), которые разрабатывают частные компании. Поправки позволяют обрабатывать «обезличенные» персональные данные «в целях повышения эффективности государственного или муниципального управления», а также в любых иных целях, которые устанавливает московская власть. Необходимость консультаций с кем бы то ни было, хотя бы с городским парламентом, в законе не прописана. Можно только догадываться (это логично, и эксперты подтверждают), что эксперимент является новым этапом развития программы «Умный город — 2030», «дорожной карты» цифровизации Москвы. Это здесь в качестве ориентиров черным по белому указаны чипирование населения, электронный контроль, мозг ИИ, управляющий городом, трансгуманизм и прочие радости цифрового будущего. Совсем не факт, что этих целей удастся достигнуть, но деньги — огромные деньги — будут потрачены.

Программу «Умный город — 2030» приняли в результате одного лишь «публичного обсуждения образа будущего на едином отраслевом портале ICT.Moscow». А в начале презентации этой программы можно встретить опрос пяти тысяч москвичей «на городских и открытых публичных коммерческих площадках: «Яндекс», Mail.ru, социальные сети и др.», в результате которого только 4% опрошенных высказали

«озабоченность влиянием цифровых технологий на свою жизнь», да и та связана с «неотлаженными сервисами».

Карантинная история скорректировала представления московских властей о желании жителей интегрироваться в цифровой мир. Сегодня нас пытаются убедить, что все недовольство связано с техническим несовершенством цифровой инфраструктуры города, которая создавалась в спешке и «не могла не сбоить». Это правда: ломались дистанционные системы школьного обучения, «подвисали» цифровые медицинские системы и государственные сервисы, выдавались тысячи несправедливых штрафов. Но людей возмутили не баги, а сам принцип цифровой клетки, в которую они были посажены без согласия. Московские власти наглядно продемонстрировали, как в одночасье можно «растянуть» право, лишить современного человека приватности, свободы выбора и свободы перемещения. И именно это вызвало мощный протест москвичей, первый протест против цифровизации в истории России.

За это коронавирусу даже можно сказать спасибо. Страна входит в цифровое будущее со всеми его плюсами и минусами, а население не рефлексирует угрозы, предпочитая пользоваться удобством и комфортом. Сначала это была оцифровка бумагооборота и бюрократии в целом. Затем в онлайн перешли ритейл и банковские платежи. Это было здорово. Затем свое слово сказал цифровой надзор: посыпались налоги, штрафы и наказания. Это было неприятно. Но эта история только началась, и остановить ее не удастся. Электронный паспорт — тестирование уже со следующего года, теперь его могут заменить те же самые QR-коды. Дистанционное голосование — уже «проэкспериментировано» в 2019 году, сейчас запускают по полной. Подписан закон о создании единого федерального информационного регистра, в котором сведут данные о каждом гражданине по 30 показателям из 12 ведомств. Так называемый золотой профиль, перспективы использования которого очень широки. В столице идут дальше. Здесь обкатываются беспилотные такси к 2023 году. Модернизируют камеры слежения, добавляя функции распознавания по лицам. И уже готовы доверить городское управление искусственному интеллекту.

Этапы цифровизации

Даже занятно, что сегодня мы обсуждаем свершения и риски программы цифровизации страны, которая была затеяна еще **Дмитрием Медведевым** и наравне со Сколковым стала его личным, имиджевым проектом. Занятно — потому что на заре 2010-х никто не понимал поставленных задач и не верил в их реализацию. Цифровизация, обласканная вниманием первых лиц, разошлась в множестве эклектичных документов. На федеральном уровне так и не появилось единого координационного центра цифровых проектов.

На первом этапе цифровизация вылилась в замену оргтехники, создание внутренней сети и внутриведомственных программ, а также оцифровку документов, архивов, деловой переписки. Затем к этому процессу приделали межведомственную онлайн-коммуникацию. Полученный бюрократический банк данных направили для нужд населения: так появились центры государственных услуг «Мои документы», которые обслуживают взаимоотношения населения и власти по принципу «одного окна». Это самый ценимый людьми результат первого этапа цифровизации.

Затем наступила цифровая эпоха силовых и надзорных органов: камеры на дорогах и улицах, давление на держателей данных (соцсети, сайты, операторы) с целью национализации их хранилищ, персонификация телефонного номера и онлайн-счетов, серия законов для интернета, попытка закрыть Telegram. Так реализовалась функция силового контроля. А вскоре к ней добавилась опция «Люди — новая нефть», в рамках которой был налажен цифровой контроль любой экономической и хозяйственной деятельности в стране. В результате самым эффективным ведомством в стране стала Федеральная налоговая служба.

Следующим этапом цифровизации призвана стать программа «Цифровая экономика», датированная еще 2017 годом, а вскоре плавно перекечавшая в нацпроект. «Ключевые цели нацпроекта — увеличение внутренних затрат на развитие цифровой экономики, создание устойчивой и безопасной информационно-телекоммуникационной инфраструктуры высокоскоростной передачи, обработки и хранения больших объемов данных, доступной для всех организаций и домохозяйств, использование преимущественно отечественного программного обеспечения государственными органами, органами местного самоуправления и организациями». Заявленные цели являются продолжением уже известных трендов, но также содержат меры по подготовке к следующему, действительно новому этапу: организации постоянного сбора данных о людях, компаниях, бюрократии, инфраструктуре для их обработки по современным технологиям больших данных и методами искусственного интеллекта, чтобы на основе машинного анализа вырабатывать решения по управлению государством и его подсистемами. Нигде в мире переход к этому этапу не осуществлен в сколько-нибудь значимом масштабе.

«Если кто-то сможет обеспечить монополию в сфере искусственного интеллекта, тот станет властелином мира», — заявил в мае прошлого года президент России **Владимир Путин**, назвав искусственный интеллект важной составляющей гарантии сохранения цивилизации. Позже, в октябре прошлого года, была принята национальная стратегия развития, разработчики которой оценивают мировой рынок решений на основе ИИ в ушедшем году в 21,5 млрд долларов, а к 2024-му он предположительно достигнет 140 млрд долларов. В стратегии говорится, что в России до 2025 года на развитие ИИ и нейротехнологий потребуется около 400 млрд рублей, более 80% этой суммы предполагается получить из внебюджетных источников.

Помимо государства консолидированную позицию по ИИ стремится занять и бизнес: в ноябре прошлого года было подписано соглашение о создании альянса с целью организации и проведения научных исследований в области искусственного интеллекта. В консорциум вошли Сбербанк, «Газпром нефть», «Яндекс», Mail.ru Group, МТС и РФПИ, которые договорились проводить совместные исследования в области ИИ и бороться за продвижение их на рынке.

А летом прошлого года родилась идея создания экспериментальной площадки по развитию проектов в сфере ИИ. И такой площадкой была выбрана Москва.

Москва онлайн

«Дайте мне город в режиме онлайн», — сказал вскоре после своего назначения мэром Москвы осенью 2010 года **Сергей Собянин**. До этого в аппарате правительства РФ он курировал программу «Информационное общество», занимающуюся переводом государственных услуг в цифровой формат. Примерно такая же задача стояла перед ним в столице, плюс самый банальный апгрейд технических возможностей различных служб и ведомств. Так родилась программа «Информационный город». За восемь лет она обошлась столице более чем в полтриллиона рублей, и это только бюджетные деньги. А с бизнесом мэрия быстро наладила самые плотные отношения.

Самые очевидные проблемы, которые беспокоили мэра десять лет назад, — пробки на дорогах и очереди в больницах. Первую удалось решить с помощью сотрудничества с «Яндексом» («Яндекс.Пробки») и сотовыми операторами (как считают эксперты, данные абонентов поначалу использовались для перенаправления транспортных потоков). А в сфере здравоохранения с 2013 года развивается государственная Единая медицинская информационно-аналитическая система (ЕМИАС), которой пользуются более 10 млн уникальных пациентов и где зарегистрировано более 111 млн записей к врачу по разным цифровым каналам.

Вскоре последовали и другие онлайн-сервисы — от платных парковок до «Активного гражданина». Все в тесной кооперации с бизнесом. Это первое отличие от федеральной платформы «цифровизации», где отдельные техзадания от разных министерств поступали разным подрядчикам. В Москве появился единый координационный центр этих процессов — департамент информационных технологий, вокруг которого постепенно организовался веер технологических компаний разной величины. Это второе отличие. Наконец, третье: мэрия куда лучше, чем федеральная власть, научилась извлекать из больших данных деньги, как напрямую через собственные сервисы, так и опосредованно, с помощью доступа к собранному данным. Обезличенным, конечно.

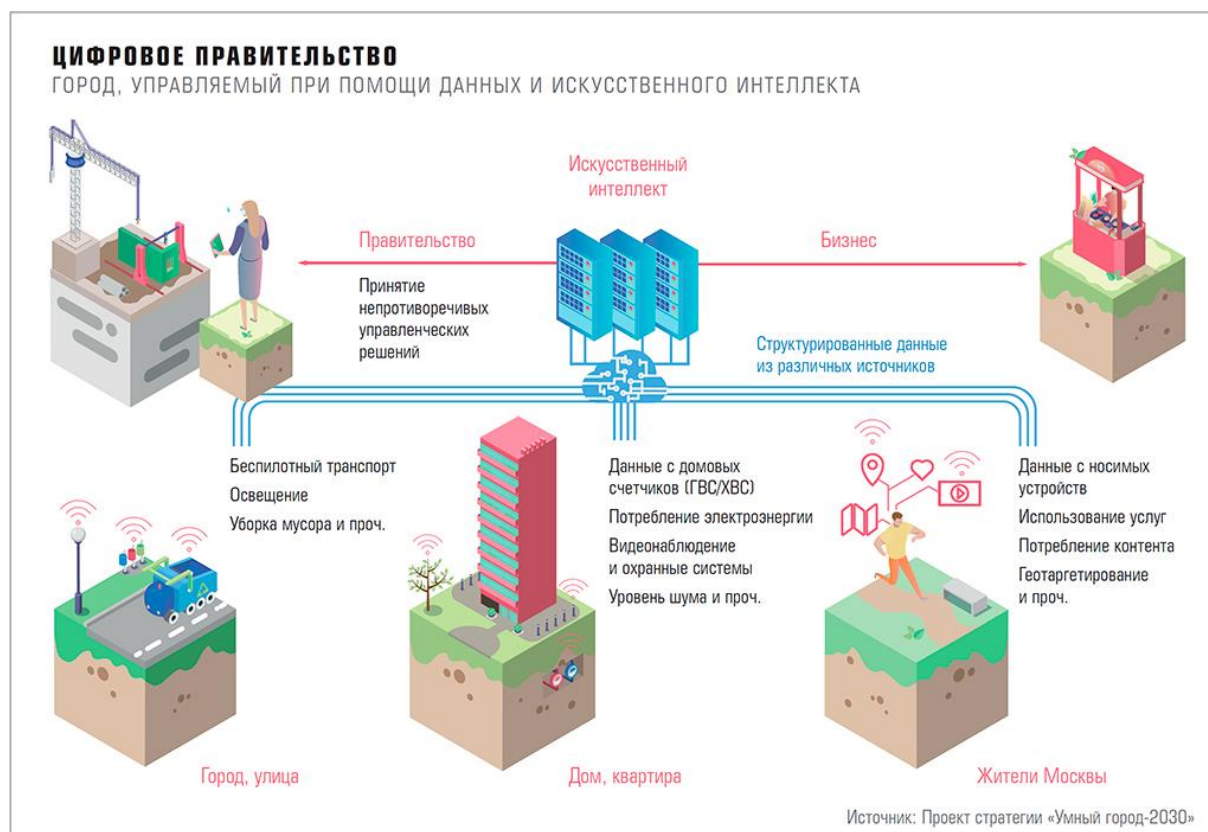
«Финансовые потоки идут непосредственно от населения к властям, цифровая платформа — это не только средство управления, но и средство продажи навязываемых населению полукоммерческих услуг, — считает генеральный директор компании МИРЦ **Сергей Нестерович**. — При этом мэрия достаточно квалифицировано выбирает контрагентов. У них есть определенная конкуренция между собой. Некоторые решения, которые они внедряют, реально находятся на мировом уровне, причем на самом-самом гребне. Страна может гордиться тем, что у нас такие разработки делаются. Только для меня этот вопрос не технологий и не конкретных подрядчиков, а о том, как все это непосредственно применяется. Ведь обратная сторона эффективности работы информационных систем ДИТ — это неприемлемая вольность в обращении с частными данными граждан и полное отсутствие прозрачности в плане того, что с этими данными происходит. Мы это очень ярко увидели во время “самоизоляции”».

В 2018 году Москва заняла первое место в рейтинге ООН по индексу оказания электронных услуг, столица России входит в международный топ-40 умных городов, занимает первое место в мире по использованию каршеринга. В области образования работает проект «Московская электронная школа» (МЭШ), в которой размещено более 30 тыс. тестов и тестовых заданий и 150 тыс. сценариев уроков, с которыми работают учителя через свои личные электронные кабинеты. К цифровой платформе в сфере ЖКХ через спутниковую систему ГЛОНАСС подключено 15,5 тыс. единиц техники, ежегодно платформа обрабатывает свыше 8 млн обращений. В системе видеонаблюдения в городе уже задействовано свыше 170 тыс. камер, которые, в частности, ведут контроль за 4000 общественных мест города, а система общественной безопасности в городе анализирует более 4,7 млн записей, содержащих сведения об уголовных и административных правонарушениях, ДТП, экономических преступлениях и проч.

За ориентир московская мэрия взяла Сингапур, где в середине 2010-х приступили к созданию тотальной системы слежения и строительству умного города. Это название и переключалось в стратегию до 2030 года. Сейчас столичные власти совершенствуют систему сбора информации о городе. Это касается личных данных (МФЦ «Мои документы»), перемещений (сотовые операторы, транспортные компании), геотаргетинга (видеокамеры с системой распознавания лиц), платежей (собственные сервисы и частично операторы телекома), информационный анализ (система Wi-Fi в городе и собственные сервисы). Естественно, собирается вся информация от коммунальных служб. За рамками сотрудничества остаются банки с их данными о транзакциях и ритейл со сведениями о покупках. Не то чтобы эту информацию сложно приобрести — она на открытом рынке, просто лежит неудобно и не сосредоточенно. Задача добровольной и взаимовыгодной интеграции с этими агентами данных еще впереди. Московское правительство не скрывает, что любое развитие цифровых технологий в столице рассматривается исключительно в партнерстве с бизнесом, который таким образом получает доступ к нашим данным. Обезличенным, конечно. Это оговорка позволяет оперировать нашей информацией в правовом поле, хотя специалисты как минимум высказывают опасения по поводу технической возможности зачистить все возможности связать данные с искомой личностью.

Сами по себе данные не представляют интереса, и чем их больше, тем меньше шансов сделать выводы с помощью простейшего анализа. Для серьезных выводов пытаются использовать технологии больших данных и искусственного интеллекта, в чем и заинтересованы столичные власти.

Цифровая песочница

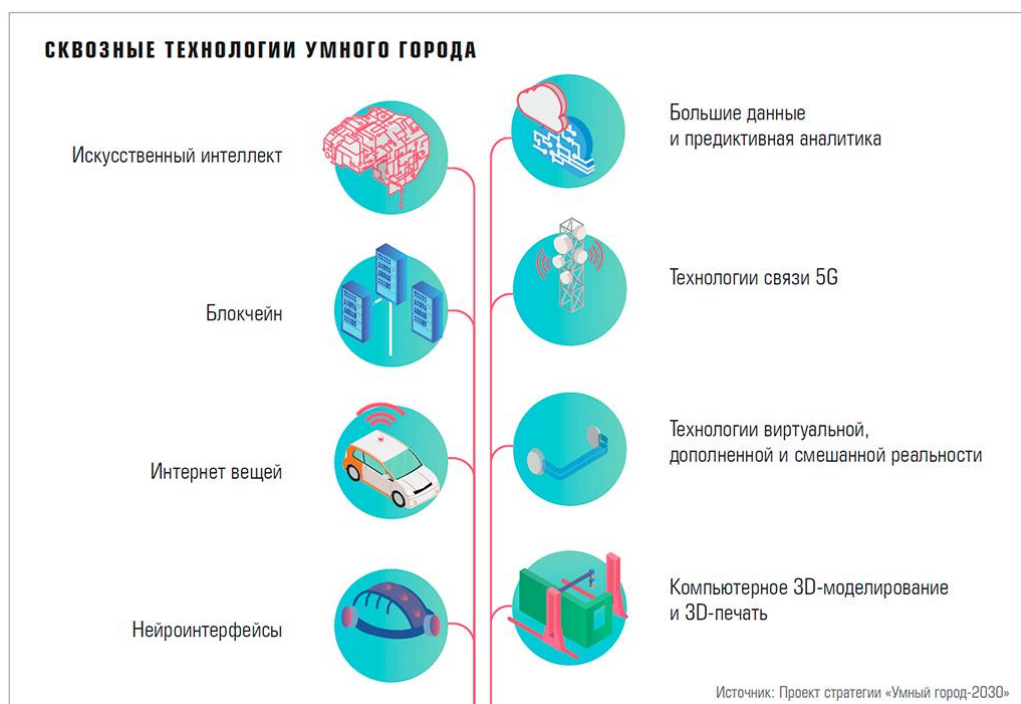
Полное название принятого в апреле закона звучит так: «О проведении эксперимента по установлению специального регулирования в целях создания необходимых условий для разработки и внедрения технологий искусственного интеллекта в субъекте Российской Федерации — городе федерального значения Москве и внесении изменений в статьи 6 и 10 Федерального закона “О персональных данных”».

Согласно этому правовому акту, в городе будет создан специальный координационный комитет из представителей городских и федеральных структур, который будет контролировать ход эксперимента. Цели и задачи эксперимента определяет город. Принять участие в нем дозволено любым компаниям и организациям, развивающим технологии ИИ. Их состав определяет координационный комитет, критерии не прописаны. Заявленные компании окажутся в специальном реестре, или «цифровой

песочнице». Главный бонус — доступ к городским базам данных и возможность тестировать свой продукт в системах города.

«В принципе, закон написан относительно аккуратно. Он дает право на использование обезличенных данных о гражданах. Грубо говоря, собирать какую-то медицинскую статистику и использовать ее в нейросети. Это по текущему законодательству нельзя сделать. Потому что, во-первых, без согласия пациента. Во-вторых, данные должны собираться только для оказания медицинских услуг. А этот закон, соответственно, позволяет такие данные собирать в обезличенном виде для некой внешней обработки, — считает **Олег Артамонов**, руководитель службы научно-технической экспертизы Партии прямой демократии».

Недавно созданная Партия прямой демократии активно выступает против всех последних цифровых новаций московских властей. Не против прогресса, но против технической уязвимости сервисов, технологий хранения данных и непрозрачности решений. «У нас есть абсолютная непрозрачность и неподотчетность работы государственных органов. Установить, кто в ДИТ за это отвечает, почему они так сделали, зачем они так сделали, невозможно. Никто ничего об этом не публикует, прозрачности никакой нет. И одновременно им передаются достаточно широкие полномочия. Есть практически твердая уверенность, что этим законом попытаются воспользоваться не в конкретных практических целях, а широкими мазками, по принципу “пиши больше, чего их, бусурман, жалеть?” Дадут себе разрешение на использование любых персональных данных. Пусть граждане, поставив галочку, незаметно для себя под ними подпишутся. А за следующие пять лет мы разберемся, что с ними делать. Соответственно, очень велик риск, что эти данные утекут из-за технических ошибок, из-за того, что туда будут неофициально оптом вписывать громадные списки организаций по принципу “а вдруг потребуется”».

Тем временем готовность участвовать в проекте уже выразили такие российские ИТ-гиганты, как «Яндекс», Mail.ru Group, Сбербанк, а также многие средние и мелкие ИТ-компании, которые воодушевлены экспериментом с ИИ в Москве.

«На мой взгляд, запуск эксперимента по регулированию в области искусственного интеллекта в Москве — очень своевременная и правильная инициатива, — говорит **Максим Мельситов**, заместитель руководителя департамента бизнес-решений группы компаний Softline. — Создание регуляторных песочниц традиционно позволяет сократить разрыв между темпами развития новых технологий и регулированием со стороны государства. При этом ИИ, несомненно, является одной из наиболее актуальных в настоящий момент технологий, в развитие которой необходимо инвестировать. Выбор Москвы как экспериментальной площадки тоже вполне логичен: столица подготовлена к нему как с точки зрения наличия необходимой инфраструктуры, так и с экономической точки зрения. Кроме того, именно здесь сосредоточена большая часть российских компаний-разработчиков, в том числе площадки для стартапов. Существует немало примеров, когда технология в качестве пилота обкатывалась в Москве и позже масштабировалась на регионы уже в качестве “коробочного” решения».

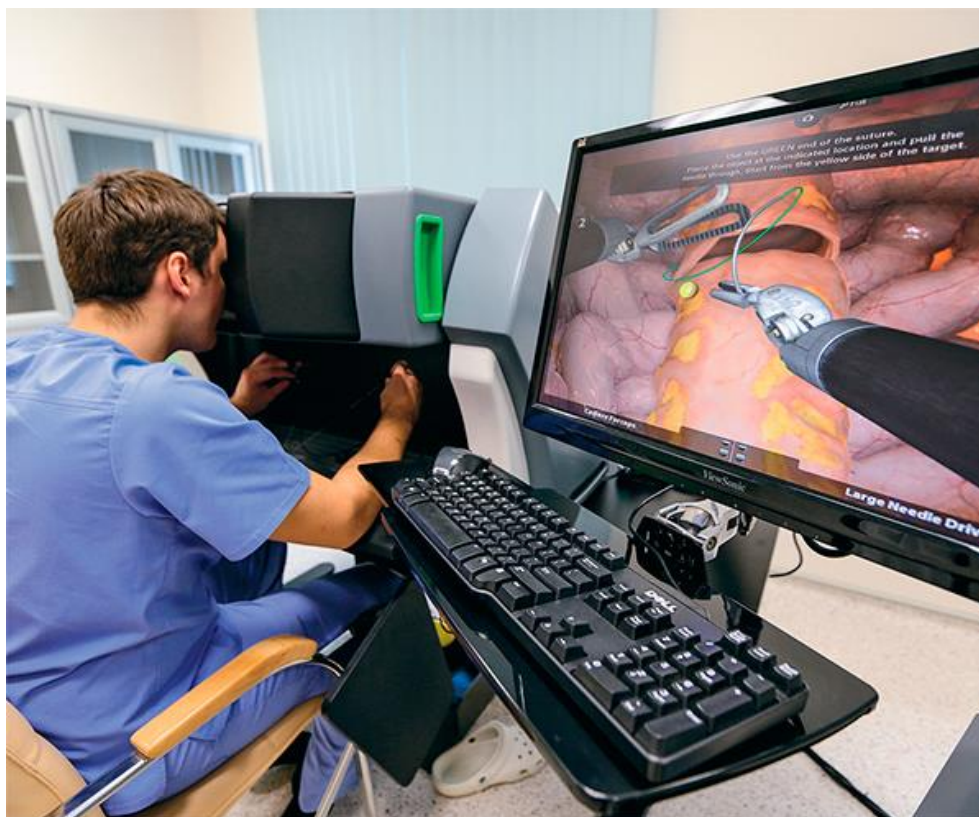
«Названные критерии получения статуса участника экспериментального правового режима нам подходят, — соглашается **Фарид Нигматуллин**, генеральный директор российской компании Videomatrix. — Мы компания, которая зарегистрирована в Москве и которая занимается промышленной видеоаналитикой с задействованием технологии искусственного интеллекта и автоматизацией процессов в промышленности. Хотя пока не до конца ясно, как именно будут

создаваться благоприятные условия, чем полезен новый экспериментальный правовой режим, как именно высший исполнительный орган Москвы будет определять условия и порядок разработки и порядок использования результатов применения искусственного интеллекта».

Некоторые участники эксперимента уже сделали громкие заявления. Например, сайты объявлений Avito, «Авто.ру» и ЦИАН в рамках эксперимента объявили о вероятности подключения к государственной Единой системе идентификации и аутентификации (ЕСИА) портала госуслуг. По словам представителей бизнеса, это позволит им снизить уровень мошенничества, который особенно поднялся в период самоизоляции. Участники рынка говорят, что в ходе эксперимента перспективные ИИ-технологии могут быть обкатаны и в других сферах. «Упрощение регулирования ИИ может стать драйвером для развития технологий ИИ в таких областях, как беспилотный транспорт, медицина, общественная безопасность, социальные услуги и сервисы, судопроизводство. Например, в нашей компании мы уже несколько лет развиваем технологии ИИ, в том числе в проектах с применением компьютерного зрения, — рассказывает **Олег Майданский**, директор по комплексным продажам ИТ-компании КРОК. — Например, недавно в Мосгорсуде мы применили в ходе дистанционного заседания суда по видеоконференцсвязи биометрическую систему распознавания лиц на основе нейросетей, и в условиях изоляции наша разработка помогла провести заседание без физического присутствия сторон. Обычно личность участника заседания судья устанавливает по паспорту, на онлайн-заседании нейросети распознают человека по фотографии из базы данных. Если человек изменил прическу, отрастил бороду или надел маску, программа его узнает, система может распознавать человека, видя лишь 30 процентов лица. Если участник заседания вышел из кадра или на его место сел другой, то на экране судьи появляется индикатор. В судах эксперимент признали успешным и планируют тиражировать опыт. Это позволит расширить доступ граждан к правосудию и ускорить рассмотрение дел».

«Стимулирование ИИ-технологий может привести к прорыву в ритейле, — считает **Владимир Волков**, заместитель руководителя по производству компании “Иннодата”. — Предприятия розничной торговли смогут предоставлять клиентам более персонализированные предложения, продавцы будут иметь возможность оптимально планировать ассортимент и закупки и совершенствовать работу чат-ботов. Применение последних может прогрессировать в медицинской сфере: при записи к нужному врачу, сообщении результатов анализов, несложной диагностике. В сфере развития транспорта может быть усовершенствован процесс обучения беспилотных автомобилей: компьютерное зрение улучшит процесс распознавания пешеходов на улицах города».

Человеку вживляют под кожу компьютер, который мониторит состояние здоровья и регулярно докладывает в центр, не пора ли лечь под нож робота-хирурга

СЕРГЕЙ САВОСТЬЯНОВ/ТАСС

Нечеловеческий подход

Чтобы по достоинству оценить эксперимент с ИИ, хорошо бы иметь полную картину задумок и задач московского правительства, а с этим пока беда. Зато есть программа «Умный город — 2030», причудливое смешение прогнозов, действующих программ цифровизации, пожеланий горожан и футурологии (есть ссылки на мнения таких мировых лидеров, как **Рэй Курцвейл** (Google), Ян Пирсон (BT), **Брайан Дэвида Джонсона** (Intel) и **Дэйв Коплин** (Microsoft)). В программе есть чипирование и умная одежда, искусственный интеллект, блокчейн, роботизация, 3D-печать, роботы, дроны и даже трансгуманизм — «концепция, поддерживающая использование достижений науки и технологии для улучшения умственных и физических возможностей человека, с целью устранения тех аспектов человеческого существования, которые считаются нежелательными — страданий, болезней, старения и смерти».

«В 2030 году 100% территории Москвы будет покрыто сетями беспроводной связи новейших технологий, предназначенных как для передачи данных на высоких скоростях с низкими задержками, так и для удовлетворения широкого спектра потребностей решений в сфере интернета вещей. Датчики, внедренные в оборудование и продукты, будут передавать огромное количество и объемы данных,

которые будут стекаться в хранилища данных, в том числе городские, и представлять собой ценный ресурс как для самих предприятий и рынков, так и для города и его жителей. Анализ этих данных, прогнозирование и принятие решений с помощью искусственного интеллекта позволят оптимизировать бизнес-процессы, экономить затраты на обслуживание и ремонт, повысить энергоэффективность производств, зданий, сооружений и городских объектов, оптимизировать транспортные и логистические процессы. Повсеместно в процессах производства и обслуживания, в том числе и городских, будут применяться роботы и роботизированная техника. Высокая мобильность и автономность дронов позволит им осуществлять в этих процессах огромное количество функций — от доставки и перемещения до наблюдения и контроля» — вот типичная выдержка из документа.

«Главный принцип концепции “Умный город” — концентрация на человеке, обеспечение условий для полноценной, качественной, счастливой жизни всех категорий граждан», — будто бы проговаривает металлический голос из мегафонов на пустых площадях и свободных дорогах столицы-2030. Это мы фантазируем вместе с авторами концепции. В Москве 2030 года остался человек как источник данных, но нет больше человека как источника воли. Лишение города человечности лучше всего проявляется как раз в социальных направлениях. Сильнее всего досталось медицине: здесь человеку вживляют под кожу компьютер, который мониторит состояние здоровья и регулярно докладывает в центр, не пора ли лечь под нож робота-хирурга. С помощью ИИ предполагается, в частности, анализировать дефекты генома каждого жителя: нейросеть высчитает риск заболевания, и вам поступит электронное приглашение пройти нужное обследование. В принципе, можно представить решение проблемы коллективного иммунитета или задачу «повышения уровня здоровья жителей Москвы».

В школах — цифровой учитель на базе искусственного интеллекта, образовательные онлайн-платформы на базе виртуальной, дополненной и смешанной реальности. Культурный облик Москвы — в цифровом виде с использованием сквозных цифровых технологий, в том числе возможностей виртуальной и дополненной реальности. На дорогах — машины без водителей. Доставка — без курьеров. На выборах — дистанционно. И в конечном счете «использование искусственного интеллекта для решения типовых задач управления городом Москвой».

То есть человек изымается из системы принятия решений, сначала на бытовом уровне, затем, постепенно, на управленческом. Это не просто вопрос о тотальном контроле и неизбежности прогресса. Это вопрос о ценностях человека и общества. По некоторым интервью топ-фигур российской цифровизации заметно, что они не понимают этих вопросов о кризисе привычных ценностей — активной жизни, самостоятельного принятия решений, приватности, сводя все риски к техническому несовершенству аппаратуры и вопросу сохранности персональных данных. Им кажется, что многообразие человеческой жизни можно рано или поздно пересчитать и засунуть в алгоритмы. Но, скорее, мы столкнемся не с расширением машинного функционала, а с сокращением допустимых

человеческих реакций, принимаемых машиной. Такое будущее не разнообразит, а типизирует и примитивизирует человеческую жизнь.

Вроде бы это всего лишь эксперимент, но его параметры уже вписаны в план развития города. И не сомневайтесь, жители России, очень скоро цифровое будущее коснется и вас.

Избежать «цифрового лагеря»

Мэр Сергей Собянин на прошлой неделе в очередной раз публично пообещал, что все личные цифровые данные, собранные о москвичах и гостях столицы в ходе карантинных ограничений, будут уничтожены. Люди этим обещаниям не очень-то верят, не без основания предполагая, что в любой момент регулятор может выхватить из-за спины «цифровую плетку», например по политическим мотивам. У всех перед глазами опыт Китая, где во многих сферах жизни используют социальные рейтинги.

Стоит признать, что дело с защитой персональных данных в России обстоит не очень хорошо. По данным компании InfoWatch, только за 2019 год число утечек такого рода информации в России выросло на 40% по сравнению с предыдущим годом. Особенно ситуация ухудшилась в период самоизоляции: логисты оказались в центре скандала об утечке данных о девяти миллионах клиентов службы доставки (предположительно пропавших из баз данных компании СДЭК), в интернете вдруг непонятно как оказались паспортные данные оштрафованных в период карантина граждан, на продаже в даркнете появились свежие данные из баз ГИБДД с подробной информацией о водителях и их машинах.

В России защита персональных данных регулируется такими правовыми актами, как 152-ФЗ «О персональных данных», 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Но многие нормы в них прописаны расплывчато, эффективного механизма их применения нет. Взять, в частности, штрафы: наказание за нарушение норм сохранности персональных данных для юридических лиц сейчас составляют 50 тыс. рублей — это смехотворная сумма не то что для ИТ-гиганта с многомиллиардными оборотами, но и для небольшой компании

В ходе эксперимента в Москве проблему сохранности персональных данных от утечек, с одной стороны, и возможности их использовать в ИТ-системах — с другой предполагают решить путем обезличивания данных. То есть данные, например, о болезни используются, но без привязки к конкретному пациенту. Для этого в статье 6 и 10 ФЗ «О персональных данных» вводится такое понятие, как «обезличивание персональных данных». Однако пока юристы и участники рынка оценивают данное правовое нововведение неоднозначно: непонятно, каким образом будет происходить обезличивание и кто будет контролировать этот процесс.

«Закон этот, по сути, рамочный, и из него не ясно, как будет осуществляться обезличивание, кто будет это контролировать, где будут храниться данные, а также то, возможен ли обратный процесс — восстановление связи данных и человека, — рассуждает **Дарья Носова**, партнер юридической консалтинговой компании O2 Consulting. — Между тем это ключевые вопросы. Все они передаются в ведение правительства Москвы, что является беспрецедентным перераспределением федеральных полномочий на уровень города. Как именно это будет решаться московскими властями, пока не ясно. До настоящего времени методики обезличивания были установлены только в приказе Роскомнадзора в отношении операторов, являющихся государственными или муниципальными органами. Пока не ясно, будет ли использоваться данная методика по обезличиванию данных или разработают новую, ведь операторами данных будут не госорганы, а участники эксперимента».

Таким образом, из-за расплывчатости формулировок нового закона риск неправомерного использования персональных данных его участниками весьма велик. «Сейчас Роскомнадзор узнаёт о нарушениях прав субъектов персональных данных двумя основными способами: в ходе проверок и в результате жалоб граждан, — продолжает Дарья Носова. — В данном случае субъект может не только не узнать о нарушении своих прав, но и не подозревать о факте сбора данных о нем — согласия на сбор и обработку участникам эксперимента получать не потребуется. Большую проблему представляет широта и абстрактность формулировок в отношении особо чувствительных персональных данных. Так, новым законом предусмотрено, что обработка обезличенных персональных данных, касающихся состояния здоровья граждан, допускается “в целях эффективности государственного и муниципального управления”, а также в иных целях, которые установит правительство Москвы. Все, вероятно, понимают, что под эти цели можно подвести практически все, что угодно. Такие формулировки ставят под угрозу не только безопасность важнейших персональных данных, но и самих граждан, поскольку их участие в неведомом эксперименте может быть невольным, а закон не предполагает возможности отказаться от этого».

Участники рынка настаивают на прозрачной и публично прописанной процедуре обезличивания данных для эксперимента. «Чтобы повысить прозрачность закона, нужно определить, во-первых, ресурс, где граждане смогут видеть общедоступный реестр участников экспериментального правового режима и, во-вторых, необходимый и достаточный перечень обрабатываемых персональных данных граждан, их субъекты и категории», — убежден **Александр Барышников**, директор департамента консалтинга и аудита компании «Информзащита».

Одновременно для обезличивания частной информации важно выбрать правильную технологию. «Среди основных методов обезличивания, которые сегодня используются, — метод введения идентификаторов, метод изменения состава или семантики, метод декомпозиции и метод перемешивания, — говорит **Олег Савранский**, заместитель директора центра компетенции больших данных компании “Техносерв”. — Оптимальным является метод введения идентификаторов, который предусматривает замену части персональных данных их идентификаторами и создание таблицы

соответствия (справочника). Главное — обеспечить безопасное хранение самого справочника идентификаторов. При обезличенном хранении невозможно использовать информацию в преступных целях, поэтому теряется смысл доступа к ней».

Эксперты из мира технологий убеждены, что только при правильно выбранных технологиях и прозрачных механизмах обезличивания данных эксперимент в Москве может пройти успешно. «Если данные используются только для заявленных целей в открытом проекте — это одно. Если государство начинает с их помощью строить “цифровой концлагерь”, как в Китае, — это совсем другое, — подчеркивает **Алекс Семеняк**, технический советник международной ИТ-компании RIPE NCC. — Тут, как всегда, технология не виновата в том, что ее можно использовать по-разному. Обществу надо понимать, что нужно запрещать не саму технологию, а думать о правильном регулировании ее использования».